

Академия наук и российская пресса в период Первой мировой войны: штрихи к взаимоотношениям¹

В России общественное мнение не играло такую роль, как в Европе, но все же оно являлось лакмусовой бумагой, показывающей отношение власти к тому или иному явлению. Императорская академия наук никогда не была обделена вниманием общественности, т. к. ее деятельность охватывала почти все стороны российской жизни. По публикациям в прессе можно судить об оценке деятельности ученого учреждения и в политических кругах. Еще в 1860-е гг. в «Санкт-Петербургских ведомостях» печатались извлечения из академических протоколов, что свидетельствовало о желании самой академии быть более понятной и доступной для общественности. Но эта традиция пресеклась. Газетчики приписывали такую скрытность в академических делах непременно секретарю К.С. Веселовскому, который не особо пользовался у них уважением². И только со вступлением графа Д.А. Толстого в должность президента в 1882 г. было решено возобновить эту традицию, но уже в «Правительственном вестнике» – явно с подачи нового главы научного учреждения.

XX век начался для России бурно, и Академия наук, несмотря на все свои усилия оставаться в стороне от политической жизни, стала (часто в лице отдельных академиков) одним из ее действующих лиц. Конечно, начало века ознаменовалось лояльной политикой С.Ю. Витте, который шел на встречу просьбам АН о финансировании, но общеевропейский кризис, вылившийся в Первую мировую войну, и революционные события в самой России не позволили академикам в полной мере воспользоваться преференциями министра: были приостановлены постройки Библиотеки Академии наук, Ломоносовского института, Геологического и Минералогического музеев. Николаевская главная физическая обсерватория отказалась от устройства аэрологических отделений при филиальных обсерваториях. Оказались перекрыты потоки поступления иностранной литературы, некоторые приобретенные коллекции не успели перевезти в Россию.

Последствия войны негативно сказались на международной деятельности Академии наук. Она уже не одно десятилетие была тесно вплетена в международное научное сообщество и в связи с разрывом научных связей с европейскими государствами, особенно Германией, стала ощущать определенную изоляцию³. Только недавно выйдя на мировой

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-00010.

² Время. 1882. 19/31 мая. № 2233. С. 4. – «Речь г. неперменного секретаря была чисто официального, бюрократического характера; говорил действительно секретарь, а не ученый – что легко понять, если вспомнить, что К.С. Веселовский уже более двадцати лет секретарствует и никакими учёными исследованиями академию не балует» (Там же).

³ Только в 1916 г. Академия наука стала предпринимать попытки по налаживанию связей с учеными Антанты (См.: *Колчинский Э.И.* Академическая наука и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны

уровень, получив возможность организовывать международные конференции и съезды, академия была вынуждена отменить устройство конгресса Международного астрономического общества и съезда Международной сейсмологической ассоциации. В Лейпциге был закрыт Русский отдел Международной выставки книгопечатания⁴, в Стамбуле – Русский археологический институт⁵.

Война в Европе вновь обострила двухвековой немецкий вопрос, который волновал общественность. 20 лет назад этот вопрос также мулссировался в прессе. Например, в газете «Время» при назначении графа Д.А. Толстого президентом академии неизвестный автор приветствовал слова о том, что эта ученая организация держится правила: «Она в России и для России». И это правило позволит Академии наук, наконец, водворить порядок и «прекратить позорные забаллотировки немецкой партией заслуженных русских учёных, так как очевидно, что академия, допуская эти забаллотировки, не руководствовалась ни благом, ни славой России»⁶.

В 1914–1915 гг. «злополучный» немецкий вопрос поставил Академию наук почти в один ряд с врагами Российской империи. Отказ от «изгнания» немецких академиков из стен Академии вызвал волну публикаций в прессе всех направлений. Об Академии наук писали во «Времени», «Новом Времени», «Колоколе», «Русском знамени», «Голосе», кадетской «Речи»⁷, «Биржевых ведомостях» и даже в «Земщине» (и это еще не полный список прессы того времени). Объем статей варьировался от пары строк до целых разворотов, свидетельствующих о том, что разносторонняя деятельность учреждения вызывала неподдельный интерес. Отношение к Академии наук зависело, конечно, от направленности издания. «Новое время» или «Земщина», подверженные ура патриотическому настроению, которое охватило общество в годы Первой мировой войны, крайне резко, на грани неприкрытой издевки, писали о германофильстве ученых мужей. Зачастую это были заметки, наполненные невероятным пафосом. Так, в разделе «Петроград, 17 янв. 1915 г.» неизвестный автор «Колокола» вопрошал «... неужели не содрогнётся сердце каждого русского, если они узнают, что и после войны главное немецкое укрепление – Российская академия наук – продолжает восхищаться Ягичами⁸, Момсенами, Оствальдами, Вундтами,

---

Под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайус. СПб., 2007. С. 189).

⁴ С представителями русского отдела на выставке немецкие власти поступили весьма сурово, арестовав их по подозрению в шпионаже (см.: Издательство немцев над русскими // Рижский вестник. 1914. 30 июля. С. 1).

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1914. Д. 164. Л. 449; Там же. Д. 161. Л. 78. –

⁶ Время. 1882. 19/31 мая. № 2233. С. 2.

⁷ К примеру, если в «Речи» за 1906 г. нет упоминания об Академии наук, университете или проблемах науки, то спустя 9 лет для редакции политические проблемы стали уже не единственным предметом для обсуждения, и она даже пыталась выступать в роли «адвоката» академиков. (Это понятно, т.к. в Академии наук была крепкая про кадетская группа).

⁸ Автор статьи, конечно, не мог знать о письме И.В. Ягича А.А. Шахматову, в котором он признавался: «Все мы, славяне, не исключая и Вас, русских, очень плохие

Баллодами, Гарнаками и другими варварами в тогах ученых, призывающими громы и молнии на нашу святую, многострадальную и многотерпимую Русь! Да не будет этого. Мы не преминем засыпать устроенные для нас волчьи ямы немецкой лженауки, разрежем на мелкие куски германские провололочные заграждения к нашим отечественным духовным родникам, взрыхлим и обработаем со всею тщательностью и любовью нивы нашего родного гения и он расцветет на них пышными и яркими цветами»⁹. За месяц до этого автор заметки в «Свете» настаивал, что неисключение из академии германских учёных граничит с предательством¹⁰. Журналисты так увлеклись этим вопросом, что стали проводить примеры из истории, рассказывая как М.В. Ломоносов боролся с немцами-академиками, от которых он много претерпел¹¹. При этом сама статья осуждала национализм в государственном управлении.

Между редакциями суворинского «Нового времени» и кадетской «Речи» началась даже полемика по поводу германофильства Академии наук. Анонимный автор «Речи» с сожалением отмечал «темное дело подстрекательства и уличной агитации» «Нового Времени», которое не понимает, что «Ватикан на Васильевском острове»¹² должен быть недоступен “политике” и ревниво блюсти свою “полную автономию” от всяких “велений”... Мы предпочитаем... чтобы русская Академия наук показала высокий пример того, как следует хранить сверхнациональные ценности. Этим она поднимет наше моральное достоинство в глазах наших друзей и союзников и лучше послужит нашему национальному делу, чем путем подчинения “повелительным нотам”, подкрепляемым доносами и уличной травлей Сувориных детей»¹³. На эту публикацию «Новое время» ответило уже 19 января статьей «Наука и гражданственность»¹⁴ (о ней подробнее далее).

В 1915 г. «немецкий вопрос» коснулся мэтра российского востоковедения, директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого академика В.В. Радлова (1837–1918), уроженца г. Берлина. В газете «Новое время» от 14 марта¹⁵ была помещена анонимная статья под

организаторы. Все мы не можем отказаться от мелочных расчетов самолюбия, взаимной зависти, порядочной доли грубости, раболепствуем перед чужими, у своих не признаем авторитетов и т.д. Вот до каких результатов довело меня мое знакомство со славянским миром в его прошлом и настоящем!». Цит. по: *Басаргина Е.Ю.* «Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. М., 2008. С. 355–356.

⁹ Колокол. 1915, 17 января. № 2610. С. 1.

¹⁰ Свет. 1914, 16 декабря. № 334. С. 1.

¹¹ Новое время. 1915, 6 (19) янв. № 13944. С. 2. В рубрике «Среди газет и журналов».

¹² То, что академики считали себя «ученым сословием», а Академию наук признавали «status in statu» вызывало раздражение еще в 1865 г. «Голос» открыто признавал, что академия пользуется крайней непопулярностью у публики (№ 198. 20 июля 1865. С. 1–2).

¹³ Речь». 1915, 17 (30) января. № 16 (3030). С. 2. Раздел «Печать». Без автора.

¹⁴ Новое время. 1915, 19 января (1 февраля). № 13957. С. 2.

¹⁵ Еще 14 февраля в статье «Нового времени» «Российская АН и немцы» за подписью «Не ученый» констатировалось, что «и в наши дни в Академии – что, конечно, не было бы

заголовком «Поругание государственного языка в русской Академии наук». Начинаясь она броским абзацем: «Слухи о существовании в Академии наук академиков, плохо знакомых с русской речью, подтвердились самым несомненным и печальным образом». В «Опыте словаря тюркских наречий»¹⁶ автор нашел следы корявой русской речи и на фоне борьбы с Германией раздул из этого «всероссийский ученый неслыханный скандал»¹⁷, припомнив, что этого «немца» уже давно содержали на казенный счет, а что он собственно сделал за это время? Да, совершил никому ненужную «Архонскую экспедицию», материал которой «дремлет без всякого употребления безмятежно где-то в академических складах»¹⁸. Уровень публицистики, особенно пропагандистско-заказной, редко был высоким, поэтому не удивительно, что автор даже не удосужился уточнить название экспедиции. В 1891 г. В.В. Радлов предпринял экспедицию в Монголию под эгидой Императорской Академии наук. Экспедиция вошла в историю как Орхонская¹⁹ и, без преувеличения, совершила революцию в тюркологии. Были открыты орхоно-енисейские рунические надписи, которые позднее расшифровал тот же В.В. Радлов и датский лингвист В. Томсен. Отчеты экспедиции публиковались 10 лет и вошли в золотой фонд отечественного и мирового востоковедения. Но автора статьи это мало волновало, как и то, что, благодаря докладу В.В. Радлова и С.Ф. Ольденбурга на XII конгрессе ориенталистов в Риме (1899) было решено учредить Международный союз для изучения Средней и Восточной Азии, с центральным комитетом в Петербурге. Это выводило российскую науку в области ориенталистики на мировой уровень и признавало ее успехи. В.В. Радлов в 1902 г. стал председателем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и лингвистическом отношении. Но эти и другие многочисленные достижения академика журналист не хотел вспоминать.

Еще ранее, 2 (15) марта от «Новой газеты» досталось и директору

возможно, ни в одном государстве – есть академики, весьма твердые в получении казенного содержания, квартир и знаков отличий и не очень твердые в русской речи. Не из деликатности ли к ним академия не выступает теперь с протестом против германских ученых?» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1914. Д. 45. Л. 48). 24 февраля в той же газете в статье «И смех, и грех!» уже писали об ошибках, встречающихся в текстах В.В. Радлова, написанных на русском языке. (Там же. Л. 54).

¹⁶ *Radlov V. Versucheines Wörterbuches der Türkdialecte* // Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1888–1911. Переизд.: Т. 1–4. М., 1963.

¹⁷ Новое время». 1915, 14 марта. № 14011. С. 2

¹⁸ Там же. – Стоит отметить, что аноним ошибся, т.к. в современном интернет пространстве «Сборник трудов Орхонской экспедиции» можно найти в отсканированном виде, что говорит об интересе к результатам экспедиции даже через сотню лет.

¹⁹ Не совсем понятно и окончание статьи, где вдруг упоминается Э.Л. Радлов, товарищ председателя учёного комитета при Министерстве народного просвещения. При этом по всей статье фамилия академика Радлова упоминалась без инициалов... Сейчас сложно установить не перепутал ли «Изумлённый» (автор статьи), кроме всего прочего, и двух учёных — философ Э.Л. Радлов станет членом-корреспондентом РАН только в 1920 г.

Пулковской обсерватории академику шведского происхождения О.А. Баклунду. В статье «Какому отечеству служат немцы – члены Российской императорской Академии наук?» автор – за подписью С.К. – красочно повествовал о «проделках» академика, передавшего на временное хранение «драгоценные, единственные в мире рукописи знаменитого астронома Кеплера, хранившиеся в Пулковской обсерватории» немецким астрономом Берлина. Автор статьи особо подчеркивал, что «Мы знаем.. что подобные передачи “во временное пользование” письменных сокровищ, не имеющих цены рукописей... – нигде в мире не имеют места и никем решительно не практикуются»²⁰. В этом пассаже содержалась заведомая ложь: отправка рукописных материалов и книг во временное пользование из одной страны в другую для научной работы тогда была обычным делом внутри международного научного сообщества, но для простого обывателя это выглядело как «чистое воровство». Кроме того, О.А. Баклунд открыто «содействовал проведению немцами геодезических исследований побережья Черного моря в 1910 г. <...> Возможно, что некоторая неточность опубликованных Прусским геодезическим институтом исследований с избытком вознаграждается точностью и богатством неопубликованных известий». Если в деятельности академика В.В. Радлова только высмеивали его плохое знание русского языка, то О.А. Баклунда открыто обвиняли в шпионаже и разбазаривании российского культурного достояния. Академик был вынужден защищаться от нападок, выступив на заседании Физико-математического отделения уже 4 марта. Отделение выразило ему «горячее свое сочувствие и глубокое уважение и постановило послать ... опровержение этой статьи в те газеты, где она была напечатана или перепечатана»²¹. А тема действительно оказалась весьма пикантной — статья почти слово в слово была перепечатана в «Колоколе».

У О.А. Баклунда были веские причины опасаться не только за свою научную репутацию, но и за свою жизнь. Уже был пример несправедливых обвинений ученых, приведших к ссылке. Так, в «Новом времени» от 2 и 11 января 1915 г.²² сообщалось об аресте в Киеве и высылке в Сибирь профессора сравнительного языковедения Киевского университета Св. Владимира Ф.И. Кнауэра за то, что два его сына, перешедшие еще до войны в подданство Германии, якобы, пошли служить в армию на стороне врага. При этом, с использованием того же сослагательного наклонения, извещалось, что профессор свое содержание пересылал детям. Академики П.В. Никитин, А.С. Лаппо-Данилевский, В.Н. Перетц, А.А. Шахматов, Н.Я. Марр, Ф.И. Щербатской, В.И. Вернадский, Н.И. Андрусов 21 января 1915 г. ходатайствовали перед президентом Академии наук о смягчении наказания Ф.И. Кнауэру²³. Эпопея по возвращению ни в чем неповинного профессора из

---

²⁰ Новое время. 1915, 2 марта (15 марта). № 13999. С. 3.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Д. 45. Л. 59.

²² Новое время. 2 (15) янв. 1915 г. № 13940. С. 3; 11 (24) января 1915 г. № 13949. С. 2.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1914. Д. 46. Л. 15-16об.

ссылки растянулась аж до мая 1917 г.²⁴

Газетная травля Академии наук была вызвана ее отказом выполнить постановление Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений» (кроме лиц славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецких подданных христианских вероисповеданий), оно признавало недопустимым при современных политических условиях их участие в деятельности перечисленных организаций²⁵.

Нельзя исключать и того, что политика травли была продуманной, а ее корни восходили к 1911 г., к реформам Л.А. Кассо. Например, 19 января 1915 г. в «Новом времени» анонимный автор, выходя за рамки приличия, писал, что неизгнание немцев «недоумками космополитического либерализма»²⁶ – имея в виду академиков и редакцию газеты «Речь» – свидетельствует о том, что «автономность учёных корпораций в политике по своему логическому смыслу и содержанию в такие минуты («в годину кровавой борьбы») становится уже отрицанием всякой общественности и гражданственности, подрывом той всеобщей солидарности, которая объединяет людей в общество и государство». Явное указание на «автономность» как «корень зла» было характерно для проправительственной прессы охранительного характера. «Земщина» полностью поддерживала эту позицию и даже открыто писала, разъясняя читателю позицию консерваторов и не демократов. По мнению редакции, «благодаря переменам в составе профессоров, происшедшем в период управления Л.А. Кассо, русские университеты с честью исполнили свой патриотический долг», изгнав из почетных членов немцев. Оставалось только сокрушаться, что «меры, проектированные Л.А.Кассо, были приняты по отношению Академии наук, то без сомнения яркий контраст между образом действий университетов, освобожденных от ка-дэксского засилья, и академии, пребывающей в ка-дэксско-немецком пленении, служит надежным ручательством к наиболее убедительным доказательствам, что система Л.А. Кассо являлась верхом государственной мудрости, наиболее целесообразной защитой достоинства русской науки и интересов русского народа»²⁷.

---

²⁴ См.: *Басаргина Е.Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков. М., 2008. С. 501.

²⁵ Утверждено Николаем II 19 ноября 1914 г. Особый журнал Совета министров от 31 октября 1914 года. «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений» // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год / Редколлегия тома: Б.Д. Гальперина, А.Д. Степанский, В.В. Шелохаев. М., 2006. С. 473–474. № 178. Подробнее см.: «Дело» об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава Академии наук. Январь 1915 – март 1916 г. // Исторический архив. 2014. № 3. С. 181–194; № 4. С. 157–166.

²⁶ Характерно, что и в XIX в. пресса с пренебрежением называла академиков космополитами.

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1–1914. Д. 45. Л. 61.

Академия наук оказалась в сложной ситуации, когда под прикрытием внешней угрозы власть могла реализовать худший для ее автономии сценарий, несмотря на старание вице-президента П.В. Никитина, который всеми силами пытался сохранить общий строй и основные черты академической жизни. При этом уступать в «немецком вопросе» Академия наук не собиралась и лишь частично удовлетворяла требование общественности: например, на заседании ФМО 21 января 1915 г. было принято предложение акад. А.А. Маркова снять с обложек изданий академии указание на то, что они имеются в продаже у академического комиссионера «Фосс (Г.В. Зоргенфрей) в Лейпциге»²⁸; на заседании Общего собрания 7 февраля того же года было решено не выписывать во время войны книги из Австро-Венгрии и Германии²⁹. «Уступка» общественному мнению на деле привела только к негласному поиску новых поставщиков для литературы из Германии и Австро-Венгрии. Это не помешало в очередном выпуске «Известий Императорской Академии наук» напечатать на немецком языке статью Оскара фон Лемма (Oscar von Lemm) «Koptische Miscellen CXLV–CXLVIII», на что редакция «Нового времени» сразу же отреагировала вопросами: «Зачем это? Неужели не стыдно?»³⁰. Для обывателей, с радостью воспринявших закон Л.А. Кассо (от 24 декабря 1914 г.) о преподавании исключительно на русском языке даже в немецких школах³¹, подобные «демарши» оставались непонятными. Стоит отметить, что немецкий язык был запрещен даже во время проповеди в лютеранских церквях (что разрешалось с 1832 г.!).

Реформы министра образования Л.А. Кассо и Первая мировая война фактически сделали Академию наук одним из ньюсмейкеров прессы всех направлений. Если проправительственные газеты старались больше информировать публику о ее деятельности, прокадетские газеты выступали в ее поддержку или искали причины к оправданию ее действий/бездействия, то правомонархическая пресса не стеснялась в выражениях и пыталась показать любые факты в негативном свете, прямо указывая на необходимость реформирования учёного учреждения в сторону сокращения его свободы. Это было связано с духом эпохи, когда волнения в народе и студенчестве, затем – военное положение, стали диктовать более жёсткие условия жизни и ограничение свободомыслия.

Единственным смягчающим моментом в наступлении прессы на Академию наук стала инициатива В.И. Вернадского о создании Постоянной комиссии для исследования естественных производительных сил Российской

---

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1–1914. Д. 45. Л. 35. – До войны, в основном через издательства и книготорговые фирмы Лейпцига, шло распространение изданий Академии наук и закупка иностранной литературы. См: *Колчинский Э.И.* Академия наук и Первая мировая война // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М., 2004. С. 687–690.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1–1914. Д. 45. Л. 46 а.

³⁰ Там же. Л. 49 (Новое время. 17 февр. 1915).

³¹ «Новое время» в статье «Народное просвещение» весьма подробно и с приветствием коснулась этого новшества от 1915, 1 (14) янв. (№ 13939. С. 2).

империи (КЕПС). Все газеты позитивно отреагировали на это заявление и почти пошагово прослеживали работу комиссии.

В «Биржевых ведомостях» уже в утреннем выпуске 30 апреля 1915 г. была опубликована статья «Изучение естественных производительных сил России», сообщающая, что вчера в Академии наук «под председательством проф. А.С. Фаминцина³² состоялось первое предварительное заседание Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Заседание открылось докладом В.И. Вернадского, указавшего, что экономическая зависимость нашей жизни от Германии в дальнейшем не может быть терпима и не может дальше продолжаться без коренного изменения»³³. Ученый познакомил комиссию с возможностью изучения естественных производительных сил России, «предостерегая производить это изучение книжным путем. По мнению докладчика, научное исследование природных объектов должно производиться на месте, т. е. должно быть связано с экспедициями и экскурсиями, без которых не может идти научная деятельность в области естествознания. В первую очередь В.И. Вернадский предлагал выделить следующие определенные задачи: «1) сводка того, что сейчас известно по отношению к естественным производительным силам России, 2) отдельные частные задачи, которые должны выдвигаться жизнью или отдельными лицами, и обсуждение которых, очевидно и составит главную сторону деятельности комиссии». Им был поставлен вопрос об издании справочника об естественно-производительных силах. В.И. Вернадского, конечно, смущали большие затраты, но по его мнению часть этих расходов должна была покрыться продажей сборника. Значительно большую сумму, достигавшую нескольких миллионов, необходимо было выделить на организацию новых исследовательских учреждений, создание новых и расширение старых музеев, лабораторий и институтов. Хорошо чувствуя политический момент, В.И. Вернадский понимал, что «деньги эти должны найтись, так как только с их затратой Россия может достигнуть высшего развития культуры и сбросить с себя иго Германии».

«Современное слово» 5 мая 1915 г. в статье «Богатство природы и народа» сообщало о заседании особой комиссии по изучению естественно-производительных сил России, на котором «акад. А. С. Фаминцын нарисовал очень поучительную картину нашего чисто “академического” отношения к огромным природным богатствам, которые могли бы создать новые цветущие отрасли промышленности... Война обнаружила всестороннюю зависимость нашей экономической жизни от Германии... Академия наук ставит себе широкую задачу: прежде всего ознакомить с нашими спящими естественными богатствами... Остается только пожелать, чтобы это прекрасное начинание академии положило начало широкому творчеству,

---

³² А.С. Фаминцын был избран председателем комиссии, а В.И. Вернадский – секретарем (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 162. Л. 170 (Протокол заседания ФМО. Заседание 4 февраля 1915 г., § 84)).

³³ Биржевые ведомости. 30 апреля (13 мая) 1915 г. № 14815. С. 2. Утренний выпуск.

окрыленному национальным воодушевлением, о котором говорил проф. Фаминцын, чтобы оно получило не академическое, а великое жизненное значение»³⁴.

Вскоре и Академия наук стала для прессы борцом с «германским засильем» в промышленности. Позитивный имидж академии в вопросе изучения естественных сил России одинаково поддерживался и западной, и славянофильской прессой. Газетчики обратили внимание на академические опыты по изготовлению селитры, которую ранее тоже привозили из Германии. Ещё пару месяцев назад пресса называла академиков «предателями», но вскоре значимость Академии наук резко возросла, т. к. её представители стали незаменимыми экспертами в решении насущных оборонных проблем, которые своими идеями и научными разработками были способны стимулировать экономический подъём России. Пиар-компания в прессе могла бы помочь Академии в пропаганде развития научно-технических идей в обществе и властных структурах и могла стимулировать научное и техническое развитие страны, но Революции 1917 г. изменили вектор развития РАН, не дав осуществиться многим научным проектам.

---

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1915. Д. 27. Л. 11.